

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЛЮБОВНЫХ ПОХОЖДЕНИЙ ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Часть первая	5
Часть вторая	36
Часть третья	64
Часть четвертая	91
Часть пятая	116
Часть шестая	142

ПЯТЬ ЖЕНЩИН, ПРЕДАВШИХСЯ ЛЮБВИ

Повесть о Сэйдзюро из Химэдзи	173
Повесть о бондаре, открывшем свое сердце любви	192
Повесть о составителе календарей, погруженном в свои таблицы	218
Повесть о зеленщике, сгубившем ростки любви .	244
Повесть о Гэнгобэе, много любившем	268

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Люди навещают тайное убежище
 былой красавицы
и слушают повесть о ее любовных
 приключениях.
Сколько ни слушай, не наскучит.

На горе Хигасияма¹, где цветут вишни,
 пляшет столичная танцовщица.
Ни одна женщина в стране
 не сравнится с ней красотой!

Несравненную красавицу
 продают князю
 за двести рё серебром.

Тот, кто видел прекрасную новую гетеру
 в Симабаре,
уже не захочет смотреть
 ни на пурпурные листья клена,
 ни на полную луну,
 ни на одну обычную женщину.

¹ Гора Хигасияма находится возле города Киото. — *Здесь и далее примеч. пер.*

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Тайное убежище старухи

Я навещаю одну женщину,
молва о которой некогда шумела
в столице.
Она рассказывает повесть своей жизни,
полной любовных походов.

Юная танцовщица на пирах

Когда зацвели первые вишни
возле храма Киёмидзу¹,
прекрасная девушка исполнила танец
посреди круга, отгороженного занавесом.
Откуда она родом? Кто ее родители?
Не знаете ли вы ее?
— Это такая-то с улицы Гион².
Ее хоть сейчас может купить
каждый, кто захочет.

¹ Знаменитый храм Киёмидзу расположен возле Киото в красивой местности, которая славится вишневыми садами.

² На улице Гион в Киото находилось много веселых домов.

Наложница князя

Девушку из хорошего рода
нельзя взять в наложницы
всего на тридцать дней,
но все же и ей приходится
искать себе хозяина в заботах о будущем.
Она не может стать игрушкой на время...
Увы! Увы! Может и она,
стоит только пожелать.

Красавица Гетера

Новая гетера
затмевает всех красавиц столицы.
Обычаи тайфу¹ из веселого квартала Симабары
бесспорно хороши,
но чистосердечная исповедь
раскрывает горестные тайны.

¹ Тайфу — гетера самого высшего разряда.

Тайное убежище старухи

«Красавица — это меч, подрубающий жизнь», — говорили еще мудрецы древности. Осыпаются цветы сердца, и к вечеру остаются только сухие ветки. Таков закон жизни, и никто не избегнет его, но порой налетит буря не вовремя и развеет лепестки на утренней заре. Какое безрассудство — погибнуть ранней смертью в пучине любви, но никогда, видно, не переведутся на свете такие безумцы!

В седьмой день первого месяца случилось мне пойти в Сагу, к западу от столицы¹. Когда я переправлялся через Умэдзу — реку сливовых цветов, губы которой точно шептали: «Вот она — весна!» — встретился я с двумя юношами. Один из них был красив собой, щегольски одет по моде, но изнурен и смертельно бледен. Казалось, истерзанный любовной страстью, он клонился к скорому концу, проча старика отца в свои наследники.

Юноша говорил:

— Мое единственное желание на этом свете, где я ни в чем не знал недостатка, — чтобы влага моей

¹ Во времена Сайкаку столицей был город Киото, резиденция императора. Фактическое правительство тогдашней Японии (военный диктатор — сёгун и его двор) находились в Эдо (ныне Токио). Сага — один из пригородов Киото.

любви никогда не иссякала, как полноводное течение этой реки.

Спутник его в изумлении воскликнул:

— А я желал бы найти страну, где не было бы женщин! Там хотел бы я укрыться, там в тишине и покое продлить свои дни и лишь издали следить за тревожными нашего времени.

Мысли их о жизни и смерти были так далеки друг от друга, как долгая жизнь непохожа на короткую.

Юноши спешили вперед, точно гнались за несбыточными снами, и не помня себя вели яростный спор, как в бреду. Дорога, не разветвляясь, вилась вдоль берега реки. Безжалостно топча молодые побеги диких трав, они шли все дальше в глубь гор, туда, где не было и следа людских селений.

Охваченный любопытством, я последовал за ними.

Посреди сосновой рощи виднелась редкая изгородь из сухих веток. Дверца, сплетенная из побегов бамбука, скрывала вход в природную пещеру, такой тесный, что, казалось, и собака не пролезет. Крыша с одним только пологим скатом, а на ней стебли «травы-желанья» и сухие листья плюща — все, что осталось от давно минувшей осени. Под сенью ивы журчал ручеек, выбегая из бамбуковой трубы. Родниковая вода была чиста и прозрачна, невольно думалось, что и хозяин этой кельи — чистый сердцем святой! Я заглянул в окно, и кого же я увидел?

Женщину, согнувшуюся в три погибели под бременем лет. Волосы убелены инеем, глаза тусклы, как бледный свет закатной луны. На старом косодэ¹ небесного цвета рассыпаны махровые хризантемы. Пояс с модным рисунком повязан спереди изящным

¹ *Косодэ* — шелковая одежда на вате.

узлом. Даже сейчас, в глубокой старости, она была не по летам разряжена, и все же не казалась смешной и противной.

Над входом, который вел, видимо, в ее опочивальню, висела доска с шуточной надписью: «Обитель сладострастья».

Еще чувствовался аромат курившегося когда-то благовония, быть может прославленного хацунэ. Мое сердце готово было впорхнуть к ней в окно.

Тем временем юноши вошли в дом, не спрашивая дозволения, с видом привычных посетителей.

Старуха улыбнулась:

— И сегодня тоже пришли меня навестить! Сколько в мире удовольствий манит к себе, зачем же ветер льнет к сухому дереву? Уши мои туго слышат, язык плохо повинуется. Уже семь лет, как я скрываюсь в уединении, отказавшись от суетного мира. Когда раскрываются цветы сливы, я знаю, что пришла весна. Когда зеленеющие горы меняют свой цвет под покровом белого снега, это для меня знак, что наступила зима. Давно уже я не вижу людей. Зачем же вы приходите ко мне?

— Друг мой гоним страстью, а я погружен в свои думы, и оттого мы оба не могли до сих пор постичь все тайны любви. Сведущие люди посоветовали нам прийти сюда. Расскажите, прошу вас, о своей прошлой жизни так, чтобы мы все увидели как бы своими глазами.

Юноша налил немного хрустально чистого вина в драгоценную золотую чарку и стал потчевать старуху, не слушая ее отговорок.

Неприметно старуха опьянела, в голове у нее помутилось, и она запела песню о любви, перебирая

струны, совсем как в давно минувшие времена. И, увлекшись, она стала рассказывать, словно во сне, о своих былых похождениях и обо всем, что случилось на ее веку.

— Я не из низкого рода. Мать моя, правда, была не родовита, зато один из предков моего отца во времена императора Го-Ханадзоно¹ был своим человеком у высшей знати, но, как часто бывает на этом свете, род наш пришел в упадок и хоть не совсем исчез с лица земли, но уже не мог служить нам опорой.

От рождения я была красива лицом и приветлива, и меня взяла к себе на службу дама, занимавшая при дворе самое высокое положение. Жизнь среди утонченной роскоши пришлась мне по душе. Так служила я несколько лет. Казалось бы, что дурного могло со мной случиться? Но в одну памятную весну, когда исполнилось мне одиннадцать лет, сердце мое беспричинно потеряло покой. Мне вдруг захотелось причесаться по собственному вкусу. Это я первая изобрела прическу нагэсимада² без булавок на висках, я первая стала связывать волосы шнурком мотоюи³. И узор госёдзомэ⁴ для платья тоже

¹ *Император Го-Ханадзоно* — правил с 1428 по 1464 г.

² *Нагэсимада* — модная в эпоху Гэнроку прическа молодых девушек. Волосы на лбу и висках причесывались гладко, на затылке укладывались в большой узел и перевязывались мягким шнурком (мотоюи), сзади подхватывались очень низко.

³ *Мотоюи* — разновидность бумажной веревки, при изготовлении которой использовался рисовый крахмал. Предназначен для завязывания японских волос и пучков.

⁴ *Госёдзомэ* — сложный узор для кимоно. Шелковое кимоно украшалось сложными узорами, моды на которые часто менялись.

я придумала, вложив в него всю душу. С тех пор он и вошел в моду.

Жизнь придворной знати близка к изголовью любви. Все напоминает о ней: танка¹ и игра в мяч. Всюду видела я любовь, всюду слышала я о любви. Что же удивляться, если сердце мое само собой к ней устремилось?

В ту пору стала получать я со всех сторон любовные послания. Они волновали мою душу, но скоро мне стало некуда их прятать, и я попросила молчаливых дворцовых стражей предать их огню. Но имена богов, написанные на них в подтверждение любовных клятв, не исчезли в пламени, и я сбросала обгорелые клочки в саду возле храма Ёсида.

Нет ничего причудливее любви! Все мои искатели были щеголи и собой хороши, но я осталась к ним равнодушна, а отдала свое сердце самураю самого низкого звания, который должен был бы мне внушать отвращение, отдала после первого же письма от него. Так оно захватило меня силой выраженного в нем чувства. Для этого человека и смерть была не страшна. С каждым новым письмом любовь моя разгоралась все сильнее. Я только и мечтала, когда же мы встретимся наедине. Наконец мы преодолели все препятствия. Я отдалась моему милому, и об этом пошла молва, но порвать нашу связь не было сил! Однажды на рассвете тайна наша раскрылась. Меня погнали к мосту Удзибаси и жестоко наказали, а его, несчастного, предали смерти².

¹ *Танка* — 31-слоговая пятистрочная японская стихотворная форма.

² Поведение самураев — военных дружинников, находившихся на службе у князей, — регламентировалось строгими правилами. Им приходилось прибегать ко всяческим уловкам,

Много дней после этого являлся мне, не то во сне, не то наяву, молчаливый призрак у самого моего изголовья, и я, не в силах вынести этого ужаса, хотела расстаться с жизнью. Но прошло время, и я обо всем позабыла. Вот свидетельство тому, что нет ничего на свете изменчивей и ненадежней женского сердца!

В то время было мне всего тринадцать лет, и оттого люди смотрели на мой проступок сквозь пальцы. Многие даже сомневались: «Да как это могло быть? Поверить нельзя!»

И правда, разве это могло случиться в прежние времена?

В былые годы невеста, покидая свой родной дом, печалилась о разлуке с близкими, и рукав ее был влажен от слез.

Нынешняя невеста стала умнее: она торопит сватов, спешит нарядиться и ждет не дожидается свадебных носилок, прыгает в них, не чуя ног от радости, и даже по кончику ее носа видно, что она млеет от счастья. Лет сорок тому назад девушки годов до восемнадцати резвились у ворот, как дети, на бамбуковых ходулях, юноши тоже совершали обряд гэмпуку¹ не иначе как лет в двадцать пять. Вот до чего мир изменчив!

чтобы безнаказанно нарушать запреты: например, участвуя в народных увеселениях, они повязывали свои лица платками с целью остаться неузнанными. Нарушение феодальных этических норм грозило виновному суровой карой, вплоть до смертной казни.

¹ *Обряд гэмпуку* — состоял в том, что по достижении возраста четырнадцати-пятнадцати лет юноше делали взрослую прическу, подбывая на лбу волосы.